

Почему протесты в регионах опаснее столичных митингов

Возможно ли сейчас в России новое электоральное равновесие?

Есть ли дно?

На прошлой неделе Комитету гражданских инициатив («Комитет Кудрина») был представлен [совместный доклад](#) КГИ и ЦСР (Центр стратегических разработок) о возможностях нового электорального баланса. Эксперты задавались вопросом, могут ли тенденции падения рейтингов власти остановиться или даже развернуться?

До 2011 года эти рейтинги демонстрировали некоторую «волатильность», колебались в узких границах и не особенно предсказуемо, а потому более или менее внятной тенденции не показывали. После «рокировки», фальсификата на парламентских и президентских выборах и фронтального наступления на оппозицию, более похожего на агрессивную панику, рейтинги лидеров и официозных политических структур начали падать почти однонаправленно, подтверждая в целом [мрачные предсказания](#), которые ЦСР давал в октябре 2012 года. Однако теперь аналитики центра вдруг якобы обнаружили «дно», ударившись о которое падение приостановилось и даже чуть ли не развернулось вспять в Москве и Питере. Вроде бы эти наблюдения согласуются с данными ФОРМ и ВЦИОМ, однако противоречат исследованиям «Левада-Центра», по данным которого падение рейтингов пока не отыгрывается. Но при этом, по словам президента ЦСР Михаила Дмитриева, представлявшего результаты проекта, протест неожиданно переместился в регионы, в провинцию – «в страну», опередившую столицу в протестном потенциале и в готовности выйти на улицу (не говоря о голосовании «против»).

Специально не привожу здесь конкретные цифры (их [легко найти](#)). Есть основания считать, что здесь есть некоторая наводка, связанная с качеством контроля над «полем» (над работой опрашиваемой команды), а также регулярные сезонные колебания: эксперты знают, что после мая с его сильно патриотическими торжествами рейтинги власти обычно приподнимаются. Есть и понятные расхождения между данными фокус-групп, качественными исследованиями и «количественниками» - массовыми опросами по репрезентативной выборке. Кроме того, я считаю не совсем верным переоценивать инерционность такого рода трендов в настроениях массы: здесь, в принципе, возможны и резкие, порой неожиданные и даже трудно объяснимые колебания бифуркационного характера, когда малые сигналы «на входе» дают, казалось бы, несоразмерные эффекты «на выходе». Настроения людей вообще штука капризная, а в наших тревожных, нервических условиях особенно. Поэтому предстоящие осенние опросы вполне могут показать, что сенсация слегка преувеличена и особого ажиотажа не заслуживает.

Однако ценность новой акцентировки проблемы от этого не уменьшается, тем более если попытаться разобраться в вопросе не столько эмпирически, сколько аналитически. В самом деле: существует ли для этого режима более или менее определенное «дно» рейтингов – или же через некоторое время мы сможем увидеть и считанные проценты популярности лидеров (как это было, например, с Ельциным)? И второй вопрос: так ли уж очевидно безусловное и «вечное» лидерство столиц в протестных настроениях на более или менее серьезную перспективу?

Не получится ли, что этот потенциал устойчиво перехватит периферия, провинция, «глубинка»?

И наконец, что из этого следует для оппозиции и для самой власти, возможна ли здесь адекватная корректировка стратегии наступления, с одной стороны, и самосохранения – с другой?

«Выученная беспомощность»?

Положение столиц в этом плане представляется противоречивым. Казалось бы, решающие политические волнения, не говоря о революциях, обычно происходят именно в центрах. Именно здесь сотни тысяч толпы выходят на улицу, зримо воплощая масштаб и градус недовольства. Именно после таких выступлений власть по-настоящему пугается,

начинает дергаться и совершать непоправимые, хотя и вынужденные ошибки. И именно по примеру столиц протест часто выплескивается на улицы в «миллионниках», в крупных городах, а затем в средних и малых. Но надо также учитывать и обратный эффект: когда начинает волноваться «страна», это может основательно подстегивать и столичный протест, пусть даже временно затухающий. И если в Москве сейчас и в самом деле до известной степени работает [«синдром выученной беспомощности»](#) (зачем протестовать, если это бесполезно), то активность в регионах может быстро снять этот эффект и добавить новой энергии столичному протесту.

Москва в этом плане устроена неоднозначно. Именно здесь недовольство кажется наиболее осмысленным и в некотором плане даже «идеальным»: людей возбуждает не столько социально-экономический дискомфорт, сколько политическое унижение и высочайшее хамство – то, что с легкой руки нашего диссидентства теперь называют «разногласиями стилистического характера».

Однако надо учитывать, что уровень жизни в столице, во-первых, заметно выше, чем «на местах», а во-вторых, решающим образом зависит от экономики перераспределения, от федерального бюджета и питаемых им прочих локальных бюджетов.

В этом смысле многие возмущенные москвичи почти в буквальном смысле «пилят сук, на котором сидят».

Вместе с тем, это вовсе не глупость: нормальному человеку не свойственно позволять переступить через себя, даже за приличную кормушку. Поэтому протест против стратегии «допилить» (хотя бы и вместе) может иметь также вполне рациональный, прагматический характер.

Тем не менее, распределение готовности открыто протестовать именно по экономическим мотивам показательно даже с учетом всех возможных погрешностей и наводок: в регионах - более 40%, в миллионниках - более 60%, тогда как в Москве... чуть более 10%. К этому надо добавить – и это важное открытие доклада! – тот факт, что провинциалы более не настроены адресовать свое недовольство местным властям, губернаторам и т. п.: теперь претензии адресуются прямо президенту, Владимиру Путину.

Смещение акцентов протестного движения на периферию может показаться для власти явлением успокаивающим: кажется, что подавить распределенные, дисперсные проявления недовольства проще, чем концентрированные в столицах. Однако не мешает вспомнить ситуацию накануне краха КПСС и распада СССР: Москва еще открыто не бунтовала, но на столы членов Политбюро ложились регулярные, ежедневные сводки КГБ о нарастающей волне «мелких» выступлений по всей стране. Тогда хватило ума, чтобы принять это всерьез – но не хватило, чтобы адекватно среагировать.

Сейчас смещение протеста «в страну» может оказаться для власти самым тревожным симптомом.

Выражения недовольства по экономическим мотивам свернуть гораздо труднее, чем массовые выступления по мотивам моральным и политическим. Здесь логика «не вышло – по домам» не срабатывает. Заливать деньгами все подряд не получится, а делать это выборочно, все равно что поднимать в разы зарплату учителям и медработникам на фоне обнищания и деградации остальных: аналитики предупреждают, что при неосмотрительных действиях дома вдруг облагодетельствованных бюджетников просто начнут жечь. А в крайней ситуации не поможет и сколь угодно щедрое закармливание силовых структур: за определенным порогом протестной активности силовики останавливаются, даже если им светит по квартире за царапину, шишку или дефект эмали.

Кроме того, надо понимать, что и «выученная беспомощность» в центре не проходит даром, а остается и даже накапливается в виде подавленной, скрытой, но оттого не менее сильной и мстительной агрессии. И тогда остается только, чтобы социально-экономический протест слился с возмущением морально-политическим, и подорвался на какой-нибудь духовной mine, вроде погрома в Академии наук. Ведь это история долгоиграющая, принятием закона она отнюдь не исчерпывается: когда закон начнут

реализовывать, выгоняя целые коллективы из зданий и с работы, на площадь выйдут вполне заслуженные люди, про которых уже не скажешь, что их купили иностранцы за печенье с презервативами.

Еще раз: в представленном докладе дело уже вовсе не в цифрах. Гораздо важнее спонтанно возникшее напоминание всем – и власти, и оппозиции – о том, что верхушечная эволюция режима с передачей вожжей сравнительно лояльной оппозиции для всех гораздо безопаснее, чем низовой пожар, беспощадный, но, видимо, уже вполне осмысленный. Лучше дать режиму возможность до кризиса, как угодно, но мирно выползти из этого тупика (при всей сиюминутной подлости и понятных стратегических издержках такого варианта), чем дожидаться пусть отложенного, но массового взрыва по социально-экономическим мотивам с плохо предсказуемыми политическими последствиями, вплоть до самых одиозных, включая фашизоидные.

Плюс проблема дефицита времени.

«Пилить» можно долго, но не вечно. Если сейчас оперативно не отказаться от политики агрессивного произвола и не начать выстраивать экономическую альтернативу (а это все жестко связано), завтра деградация станет необратимой, а полномасштабный социально-политический кризис – неотвратимым.

Если не уже...

Автор: Александр Рубцов, руководитель Центра исследований идеологических процессов Института философии РАН

16.07.2013

Источник: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/protesty/242208-putin-krainii-pochemu-protesty-v-regionah-opasnee-stolichnyh-mitingov>